

Авдотьюшка

Алла Калганова

Алла Калганова

Авдотьюшка

«Автор»

2026

Калганова А.

Авдотьюшка / А. Калганова — «Автор», 2026

Выйдя замуж за нелюбимого и оказавшись в новой семье, столкнуться с притязаниями свёкора-"снохача", рожать и хоронить детей, пережить революцию, гражданскую войну и коллективизацию - всё это выпало на долю простой девушки, женщины, матери - Авдотьи. Как она вынесла всё это? Через что прошла? Что стало с ней самой и с её детьми?

© Калганова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Посвящение	5
Глава 1. Колхозная весна	6
Глава 2. Дела насущные	8
Глава 3. Прошлое и настоящее	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Авдотьюшка

Посвящение

Светлой памяти моих родных — дедушки Ильи и бабушки Евдокии, посвящается.

Глава 1. Колхозная весна

Весна в тот год пришла рано, земля просила рук, но никто не спешил на пашню, хотя с крыш уже вовсю капала звонкая капель. Новое слово — «коллективизация» — не давало покоя людям. Что это, с чем его едят, кто будет работать, а кто плоды пожинать — на селе друг друга ох как хорошо знали. И тот факт, что вся голытьба — те, кто не любил работать, а любил выпить, — первой записалась в колхоз, о многом говорил остальным. Записались такие лодыри, как Филька-пьяница да братья Косовы, у которых избы без присмотра разваливались, но теперь они ходили гоголями, словно уже завладели землёю. Мужики покрепче, посолиднее, привыкшие пахать до кровавого пота, не спешили отдавать в «общество» своим горбом нажитое добро.

Бабы у колодца, мужики у кузни только и судачили: кто записался, а кто нет. Ведра гремели сердито, будто и они не хотели мириться с новыми порядками. Страшное слово «раскулачивание» висело в воздухе. Пахать никто не торопился, и лишь бабы в огородах, предчувствуя горькую пору, когда кормиться придётся одной «огородиной», начали свою бабью заботу раньше времени.

Авдотья неспешно вышла в огород, убрала с тропинки невесть откуда взявшуюся ветку яблони, наклонилась и, взяв горсть земли в заскорузлую, мозолистую руку, сжала её в комок. Земля была хотя и холодной, но уже живой, пахла прелью и неохотно распалась в руке. Самая пора для зерновых пришла — пахать да сеять. Она вздохнула: пахать ли им нынче... сеять ли? Женщина повернулась к сараюшке, открыла дверь, взяла лопату и направилась к навозной куче. Надо землю под капустную рассаду готовить. Обычно это занимало немного времени, но сейчас она перекапывала особенно тщательно, стараясь довести землю до совершенства. Солнце припекало спину, и от земли, перемешанной с навозом, шел густой, терпкий дух, знакомый с детства — дух жизни.

Из дома вышел её муж Илья — невысокий, лет пятидесяти, с широкими усами на уже стариковском лице и добрыми, спокойными глазами. Он молча отобрал у жены лопату и, буркнув: «Сам сделаю, иди Митюшу покорми», принялся за дело основательно, умело, как всегда. Лопата в его руках словно сама собой взлетала и ровными пластами укладывала чернозем. Авдотья, отдав лопату, вытерла лоб концом фартука и, тяжело ступая, ушла в дом. Вскоре вернулась с мальчиком лет двух-трёх на руках и опустилась на лавку.

Малыш тут же сполз с колен матери и принялся возиться с деревянной лошадкой. Лошадка была самодельная, грубо выструганная, но Митюшка самозабвенно играл с ней. Посидев немного, женщина тихо окликнула мужа.

— Илья, что теперь будет? Как жить, как детей растить? Неужто силой в колхоз загонят? Ведь всё до нитки отобрать могут. Бабы утром у колодца говорили: семью Танчевых в Тросне раскулачили. Маслобойку отобрали и скотину увели, мол, кулаки они. А у них эта маслобойка — одна на четверых братьев была. И спину они на земле сами гнули, без батраков. У каждого детишек — орава, чем теперь кормиться будут? Пришли, все сундуки распотрошили, всё до последней тряпки вынесли и утварь домашнюю всю забрали. Мария, жена Андрея, не выдержала, выбежала на двор и крикнула сквозь слезы: «Да что ж вы делаете?! Куда ж мы теперь с детьми-то? Что же мне, их теперь на водопой водить, как скотину?!» Швырнули ей всё-таки старое ведро под ноги, смиростивились.

Илья молчал, только сильнее сжимал черенок лопаты да угрюмо хмурил седые брови. На лбу его выступила испарина, хотя работал он споро, но без напряжения.

— Мне сказать тебе надо, — вновь заговорила Авдотья, не дождавшись ответа. — Я опять тяжелая. По осени, если Бог даст, девка будет.

Слова её упали в тишину двора, как камни в глубокий колодец. Илья выпрямился, с силой вогнал лопату в землю и, постояв немного, подошёл к лавке. Тяжело опустившись рядом с женой, положил широкую ладонь ей на колено и, помолчав, произнёс:

— Бог милостив, как-нибудь проживём и детей подыдем. Я что-нибудь придумаю, лишь бы живой родился. Он перевел взгляд на Митю, который возил лошадку по пыльной траве. Скольких мы за это время схоронили — только первенец Тимофей да последний Митька и выжили. А теперь ещё одного Бог посылает.

Он помолчал и с улыбкой посмотрел на жену:

— Ну, мать, мы и дали...

— Да, дали, — встрепенулась Авдотья. Она провела рукой по своему немного округлившемуся животу, будто защищая его. — Мне уже сорок четыре, а ты вообще шестой десяток разменял. Того гляди помрём — кто их растить будет? Тимофей? У него своя жизнь, вот-вот оженится. Бог даст, скоро свои детки пойдут, а тут ещё этот колхоз. Ведь загонят же, всё подчистую отберут.

— Тише ты... не здесь! — одёрнул её Илья, покосившись на соседский двор. За плетнём мелькнула тень соседки, вечно сующей нос не в свои дела. — Дома поговорим. Я тут покумекал немного. Надо... — он замолчал и, подхватив сына, ушёл в дом.

Дома он сел на лавку у окна, опустил сына на пол и потянулся за старым кисетом. Сквозь мутное стекло в комнату лился все тот же безмятежный весенний свет, так не вязавшийся с их тяжёлым разговором. Свернул самокрутку и, зажав её в жёлтых от табака пальцах, продолжил:

— Кузню у брата Петра отберут, конечно, и землю тоже. У нас той земли — кот наплакал, но тоже заберут. И лошадь с коровёнкой. А вот тёлку надо срочно резать.

— Весной? — охнула Авдотья. — Да кто ж...

— Подожди, — осадил муж. — Скажем, заболела — поверят. Весной здоровую скотину никто не бьёт. Мясо продадим, а на вырученные деньги козу купим.

— Козу? — удивлённо переспросила жена.

— Козу! Говорят, их не забирают. Они и траву жрут любую, и места мало требуют. Да и коз почти ни у кого нет. Одну в колхозе держать не станут. А так деткам хоть молоко будет. Нечего на других надеяться. Это наша единственная надежда, пойми. Так и порешим. А ты не переживай особо. Главное — роди здорового ребёнка, а там посмотрим. Я в кузню пойду работать. Пётр-то откажется, кочевряжиться будет. А я пойду.

— Куда тебе в кузню, старый уже, — вздохнула Авдотья. — Не возьмут.

— Возьмут, конечно! Без кузнеца на селе никак. Батя покойный на Петра кузню оставил, на старшего: мол, он работник, а ты так, подмастерье. Но и я не лыком шит, с малолетства при кузне, учился, подмечал — ничего не забыл. Руки-то, вон, ещё помнят, как молот держать.

Он затушил самокрутку, аккуратно положил окурочек в стоявшую на окне старую, с трещинами, глиняную миску, поднялся и вышел из дома. За дверью снова заливисто, по-весеннему, запела какая-то птица, но Илья даже не поднял головы.

На дворе стоял окаянный 1932 год.

Глава 2. Дела насущные

Эта беременность давалась Авдотье тяжело: сказывались возраст, недавно завершённое кормление младшего ребенка и постоянное нервное напряжение. По утрам ее сильно мучило, а запах свежего хлеба, который она всегда любила, теперь вызывал приступ дурноты. Больше всего ее пугала неизвестность — завтрашний день и мысли о том, чем кормить детей. По селу тем временем прокатилась волна арестов. Все, что предрекал муж, сбывалось точь-в-точь. Соседа Пахома, который как-то, спьяну, ругал новую власть, увезли на подводе ранним утром, и его жена Настасья потом целую неделю проходила с красными, опухшими от слез глазами. К лету всех записали в колхоз, а недовольных раскулачили. Скотину согнали на бывший помещичий двор, земельные наделы объединили в общие поля. Из-за позднего сева хлеба к июню едва поднялись, да и огрехи в пашне некрасиво пестрели проплешинами.

Семью выручала купленная ранее коза. Молочко она давала жирное, полезное — Митька особенно любил парное, с кусочком черного хлеба. Козу тоже поначалу хотели обобществить, но не знали, куда пристроить. К тому же Илья вышел работать в кузню — и козу оставили. Кур пытались забрать в колхоз, но бабы подняли такой шум, пригрозив забастовкой, что правление отступило. Так петухи и куры по-прежнему будили хозяек спозаранку. Правда, ввели яичный сбор — по десятку со двора. Попробовали было увеличить, но бабы снова воспротивились. Несмотря на то, что председатель кричал на сходе, что они, мол, "кулацкая отрыжка", бабы стояли на своем, и он сдался. Количество трудодней пока не регламентировали, решив определить по осени. Этим Авдотья и пользовалась: пока Илья работал в колхозной кузне, оставалась дома. Митьку ей оставить не с кем, а тащить его в поле под палящее солнце не хотелось.

Все лето, управившись с хозяйством, она забирала сына и голосистую козу и уходила в луга, подальше от села. Митька возился у ее ног, ловил кузнечиков или просто засыпал на мягкой травке под стрекот цикад. Там Авдотья не только пасла живность, но и собирала травы — только ей ведомые, для своих надобностей.

Авдотья издавна слыла знахаркой — помогала по женской части и деткам. К ней за советом обращалась чуть ли не каждая окрестная баба. Приходили даже из дальних деревень, приносили кто холста кусок, кто кринку молока, а кто и просто сердечное спасибо. У Авдотьи всегда были наготове нужные травяные сборы. Знала она и заговоры, но лечила больше травами. Платы не просила, но и от благодарностей не отказывалась. Когда в селе появился фельдшер, желающих лечиться поубавилось. Однако, поняв, что толку от этого пьяницы-«дохтура» мало, женщины одна за другой вернулись к травнице. Про него в селе даже поговорку сложили: "От дохтура - в землю сыру, а от Дуни - опять на ноги встаю". Помогала она и детям, и мужикам — могла и грыжу вправить, и выбитое плечо, и кровь остановить, и рожу заговорить.

Для снадобий требовалось много трав. Пока живот не мешал, Авдотья ходила на заготовки. За иными приходилось вставать затемно, другие срывала по росе, третьи — ровно в полдень. «Всякая травка свое время любит», — говорила она мужу, когда тот пытался остановить ее от утомительных хлопот. Илья знал эту особенность жены и в ее «бабьи дела» не вмешивался.

Старшего сына в армию не взяли — подвело с детства слабое зрение. Поначалу он работал с отцом молотобойцем, но огонь и тяжелый труд вредили глазам, и Тимофей подался в счетоводы. Цифры в ведомостях выходили у него ровными и аккуратными, и председатель, глядя на его работу, довольно крикал. Арифметика ему легко давалась в школе, да и вообще он рос в грамотной по тем временам семье. В селе школа была хорошая — сначала трехлетка, а в начале века граф Лев Николаевич Толстой выстроил вместо деревянной новую каменную, с просторными светлыми классами и учительским домом. Тимофей как раз успел пойти в нее еще до революции и застал тот добротный, царских времен порядок в обучении. Стремление

к учебе поощряла и мать. Сама Авдотья окончила три класса церковно-приходской школы — для девочки конца восемнадцатого века случай нечастый. Но она росла единственной и к тому же младшей дочерью в семье печника, с четырьмя старшими братьями. Ее баловали, окружали заботой и лаской, и учиться она любила и хотела.

На смену Тимофею в кузницу прислали здорового рукастого парня. С тяжелым молотом он управлялся отлично, но осваивать кузнечное дело не стремился — ждал призыва в армию. Илья сперва ругался с правлением, требуя толкового помощника, ссылаясь на возраст, больные руки и загруженность. Но его не слушали — только подкидывали новые заказы: плуги, лемеха, бороны с поломанными зубьями. Все требовало ремонта, умелых рук и сил.

Умение было, а вот здоровье подводило. От тяжелой работы открылись старые раны, полученные на Первой мировой — те самые, что Авдотья долго залечивала, когда муж вернулся в восемнадцатом. Еле выходила она его тогда, на ноги поставила. А теперь лишь горько вздыхала, видя, как он валится с ног после работы. Вечерами он сидел за столом, положив на него тяжелые, натруженные руки, и подолгу смотрел в одну точку, не прикасаясь к еде. Все домашние хлопоты легли на нее и Тимофея. «Зимой отдохну, зимой работы меньше», — устало говорил Илья, опускаясь на лавку.

Так прошло лето, а следом подошла к концу и осень. Наступил ноябрь, приближались роды. Живот мешал наклоняться, спина ныла при ходьбе и не давала спать по ночам. Лицо отекло, пошло пятнами, губы припухли. «Точно девка будет», — поглаживая округлившийся живот, говорила она.

Ноябрь выдался снежным. К середине месяца намело сугробы, и узкие тропки к колодцу превратились в утрамбованные дорожки. Пролитая из ведер вода быстро замерзала, покрывая снег ледяной коркой. Воздух такой морозный, колкий, что от каждого вздоха в носу пощипывало. Отёчные ноги с трудом помещались в валенках, тяжелые ведра раскачивались на коромысле, идти по скользкой тропе было тяжело. В очередной раз оступившись, Авдотья остановилась, переложила коромысло на другое плечо и собралась продолжить подъем, как вдруг, ойкнув, присела. Шедшая навстречу женщина поставила ведра и поспешила к ней.

— Что, началось? — спросила соседка, помогая снять ношу.

Выпрямившись, Авдотья почувствовала, как по ногам потекло тепло. Она снова охнула и схватилась за живот.

— Проводить?

— Нет, сама дойду.

Опираясь на коромысло, как на посох, она с трудом добралась до дома, несколько раз останавливаясь и приседая от боли. Открыв тяжелую дверь, опустилась на лавку. Отдышавшись, послала старшего сына за оставленными ведрами, а вошедшего следом мужа — за повитухой. Сама не спеша разделась, сменила рубаху и полезла на полати. Легла на спину, стараясь не стонать громко, чтобы не разбудить и не напугать Митьку. Вскоре пришла повитуха.

Роды, восьмые по счету, проходили стремительно, но уставший, порядком изношенный организм сдавал. Авдотья тужилась, сидя на корточках, а когда силы иссякли — повалилась на бок и закрыла глаза. «Так, милая, еще немного, головка уже показалась», — услышала она голос повитухи и, застонав, перекатилась на спину. Собрав последние силы, женщина издала низкий утробный рык и вытолкнула дитя.

Красный, сморщенный, весь в крови ребенок молчал. Это молчание она слышала уже не раз — так молчали все четверо деток, рожденных ею мертвыми до появления Митьки. В ушах у неё зашумело, комната поплыла перед глазами, и она уже приготовилась провалиться в эту спасительную темноту. Авдотья закрыла глаза — плакать сил не было. Повитуха хлопотала над младенцем: протирала рот и нос тряпицей, шлепала по попке и спинке. Неожиданно малышка дернулась, скривила ротик и закричала. Роженица вздрогнула, приподнялась на локтях и недоверчиво посмотрела на старуху.

— Жив? — тихо спросила она.

— Жива, — улыбнулась та. — Девка у тебя.

Завернув ребенка в пеленку, она спустилась с полатей. Пока Авдотья рожала послед, повитуха успела обмыть и запеленать малышку, а потом протянула усталой матери сверток, чтобы та приложила дочку к груди. Авдотья, все еще не веря своему счастью, дрожащей рукой коснулась крошечного, теплого комочка и, когда младенец, чмокая, прильнул к груди, из ее глаз потекли беззвучные слезы облегчения. Закончив с родами, повитуха вышла во двор к Илье, который возился в сарае, чутко прислушиваясь к звукам из дома.

— С дочерью вас, Илья Антоныч! — объявила она. — Разродилась Авдотьюшка, иди принимай пополнение.

Илья неспешно отложил инструмент, постоял у порога и вошел в дом. Авдотья полулежала на подушках, кормя ребенка. Усталое, серое лицо ее ничего не выражало, но потускневшие с возрастом глаза вдруг сверкнули, разглаживая морщинки, и снова померкли. Муж подошел к ней.

— Девка? — спросил он. — Живая?

Авдотья кивнула.

Илья вернулся к лавке у окна, достал кисет. Желтые от махорки пальцы уже захватили щепоть табаку, но он помедлил, ссыпал его обратно, затянул кисет и сунул в карман. Молча вышел и вернулся со старой деревянной люлькой. Не спеша, основательно приладил ее к крюку на матице – центральной потолочной балке избы. Авдотья задремала, не выпуская ребенка. Отец осторожно взял малышку и переложил в колыбель. Он постоял над ней, рассматривая крошечное личико, и вдруг бережно, словно боясь сломать, погладил ее по голове своим шершавым, мозолистым пальцем. Женщина встrepенулась, но он остановил ее: «Отдыхай, я сам».

Оправилась Авдотья после родов только к Рождеству: то ли простудилась, то ли ослабела. Первое время ее знобило, и слабость не давала заниматься хозяйством. Она боялась потерять молоко и осторожно подбирала себе травы, чтобы не навредить младенцу. Девчушка оказалась крепышкой: спала спокойно, просыпалась только для еды и постепенно заметно округлилась.

— Надо бы окрестить, — твердила она мужу. — Да где теперь? Церковь закрыли, в Кочаки везти надо.

— Вот поправишься — и отвезем, — отвечал Илья.

На Крещение собрались: выпросил в колхозе лошадь и всей семьей поехали крестить. Дорога лежала через заснеженный лес, лошадь бежала бойко, полозья саней весело поскрипывали на морозе, а Митька, закутанный в тулуп, с любопытством таращился на проплывающие мимо сугробы. Девочку называли Катей.

— Хорошее имя, — одобрил отец, — как у императрицы.

Глава 3. Прошлое и настоящее

По весне козу у них всё-таки отобрали: кто-то донёс в район о «единоличном пользовании». Однажды пришёл председатель, присел у двери на лавку и долго молчал. В горнице повисла тяжёлая тишина, лишь слышно было, как потрескивает лучина да за стеной возится в загнетке кошка.

— Илья, я конечно обещал, но ты сам посуди — непорядок это: у колхозника — и своя коза. Сверху звонили... Ты пойми, я и рад бы... Но молоко деткам мы давать будем, как положено.

Он снова замолчал. Авдотья принялась было его стыдить, но Илья хлопнул ладонью по столу:

— Надо — забирай!

Козу свели на колхозный двор, где она вскоре и сгинула. А молоко и правда стали выдавать раз в день — по глиняной махотке. Махотка эта была маленькая, но детям хватало.

Время шло. Илья на кузне выбивался из сил: помощники попадались никудышные, а работы постоянно невпроворот. Бывало, придёт домой затемно, усталый, даже рубаху скинуть сил нет. Простой ремонт у него выходил споро, коней подковывал сноровисто, а вот сложные запчасти отнимали много сил и здоровья. Сказывались и возраст, и ранения.

Колхоз держался, но рабочих рук не хватало. Мужиков осталось мало, да и те, кто был, в полную силу работать не могли — сказывались Первая мировая и Гражданская войны, — а может, и не особо хотели. Парни, уходившие в армию, не спешили возвращаться, так что основная сила — бабы да девки. Они и пахали, и сеяли, наравне с мужиками косили, стоговали сено, убирали урожай, молотили зерно и работали на погрузке. Руки у них вечно были в мозолях и цыпках, но в страду они умудрялись еще и песни петь — так легче было управляться с тяжелой работой.

Можно бы нагрузить их и больше, но мешали дети. Не у всех были бабки или подростки-няньки. Поэтому на очередном собрании решили строить детский сад. Впрочем, строить — громко сказано, строить было не на что. Выход нашли: перенесли фельдшерский пункт в дом бывшего управляющего помещичьей усадьбой, а освободившееся здание — относительно новое, построенное как раз перед революцией — отдали под детский сад, пристроив к нему просторную деревянную кухню. Запах свежеструганых досок и известки тогда стоял над всей округой, а ребятишки стайкой крутились возле стройки, мешая плотникам.

Дети тем временем подрастали. Старший, Тимофей, надумал жениться. Выбором сына Авдотья осталась недовольна. Будущая невестка Наталья жила одна с больной матерью: та уже несколько лет лежала, не вставая, и все заботы — и по хозяйству, и за матерью, и работа в колхозе — легли на плечи совсем ещё девчонки. Это, видно, наложило отпечаток на её характер: была она замкнута, необщительна, почти нелюдима. Невысокая, худая, с узким лицом и вечно опущенными в землю глазами — она ничем не привлекала внимания. Почему её выбрал Тимофей, осталось для Авдотьи загадкой. Попытки поговорить с ним ни к чему не привели.

— Его выбор — ему и жить, — оборвал причитания жены Илья.

Авдотья собралась было засылать сватов и сыграть свадьбу по традиции, но Тимофей отказался. Они просто расписались в сельсовете, и он ушёл жить в дом жены. Свадьбы не было, не гуляла деревня, и это тоже камнем легло на сердце Авдотьи — будто и не женился сын вовсе. Авдотья сначала переживала и даже всплакнула — первенец, и вдруг в примачи подался. Но потом смирилась и успокоилась, хотя в памяти невольно всплыло её собственное сватовство.

Жила тогда Авдотья в деревне Телятинки, что в шести верстах отсюда, в семье отца. Был у неё жених, родители вроде уже и сговорились, но не сошлись в приданом — помолвку рас-

строили, а суженого женили на более богатой невесте. Авдотья уж совсем засиделась в девках, а минуло ей уже двадцать три года, когда всё и случилось. Зимой, вместо брата, которого призывали в армию, она подрядилась возить на лошади кирпич на станцию. Как-то в обед заехала домой поесть. Отец во дворе принял лошадь, а она поспешила в избу, скинула тулуп, достала из печки чугунок со щами, налила себе полную миску. Отрезала ломоть хлеба, густо посолила и принялась за обед. Тут и обратила внимание на здоровенного мужика и невзрачную бабёнку, сидевших на лавке поодаль — приняла их за покупателей. Отец продавал корову, чтобы снарядить сына в армию. Когда отец вошёл, мужик поднялся.

— Хороша девка, справная, — сказал он. — По рукам. Сватов пришлём после Крещения.

А в воскресенье, после обедни, пришла сваха. Она неспешно развязала платки и сняла полушубок. Затем, перекрестившись на красный угол, села пить чай.

Мать Авдотьи, поставив на стол угощение, села напротив гостыи. Выпив первую чашку чая, сваха перевернула её на блюде и положила сверху маленький кусочек колотого сахара. Затем вытерла кончиком платка выступивший на лбу от горячего чая пот и посмотрев на Авдотью, сказала.

- Повезло тебе, девка, в хорошую семью идёшь. Крепкая семья, с достатком: кузню держат, и дом недавно отстроили – просторный, кирпичный, на четыре окна, с летней половиной. Кирпич сами обжигали, всё добротно, крыша под железом и полы везде деревянные, хоть босиком ходи – ноги не застудишь. Да и земелька имеется не чета здешней – чернозём. Сам-то хозяин кузнец, да два сына у него: Пётр и Илья. Петра три года, почитай, как женили, но детишек, правда, пока бог не дал. А Илья недавно с армии пришёл, пять годков лямку тянул. Вот и его женить собрались.

Сваха поправила платок на голове и продолжила, оглядевшись по сторонам.

– У вас приданое-то поди давно готово? Знаю я вашу историю, дай бог в этот раз не сорвётся. А тебе, девка, вот что скажу: сговорилась я уже с Ильёй. На Рождество придёт в вашу церкву к обедне и станет у иконы Богородицы. Там его и увидишь. А ты ленту зелёную в косу вплети, чтобы он тебя тоже приметил.

В Рождество Авдотья поднялась спозаранок, долго принаряжалась, решая, каким полушалком лучше покрыть голову, пока мать не прикрикнула на неё – опоздаем, мол.

Церковь была уже полна, служба шла своим чередом, а Авдотья всё боялась поднять глаза и взглянуть на оговоренное место.

Как же она расстроилась, увидев невзрачного, невысокого, усатого парня, который даже в хороших сапогах и добротном пиджаке оказался далеко не так хорош, как её несостоявшийся жених! Он даже не подошёл к ней — просто долго смотрел, затем повернулся и вышел. Авдотья тогда чуть не разревелась прямо в церкви, но сдержалась — только сильнее прикусила губу. Но сделать уже ничего было нельзя: её сосватали, и на Красную горку сыграли свадьбу. Так она вошла в семью кузнеца.

Теперь Тимофей редко бывал в отчем доме — лишь забегал иногда ненадолго. На вопросы о жизни отвечал кратко и в гости не приглашал. Исхудал он, потемнел лицом, а на лбу появилась глубокая морщина, которой раньше не было. Авдотья знала, что хозяйства у молодой семьи нет никакого: даже последних кур зимой съели. Однажды, подумав, она зашла в курятник, поймала недавно выведшую цыплят наседку, посадила её с выводком в большую корзину, завязала сверху тряпицей и отправилась в путь.

Когда проходила мимо правления (оно размещалось в бывшей барской усадьбе), один из мужиков, стоявших у крыльца, худой, помятый, с вечно трясущимися руками — заметил курицу в корзине и окликнул её:

— Что ж ты, Авдотья, сына в примаки отдала, а теперь и приданое за ним несёшь?

— А что ей, ещё нарожает, её Илья не промах по этой части, — хохотнул другой.

Авдотья, не останавливаясь, лишь повернула голову и усмехнувшись, ответила:
— А ты, Степан, возьми его в помощники — глядишь, и твоя Нинка ещё родит!

Под дружный хохот мужиков она пошла дальше, не обращая внимания на запоздалую брань Степана. Авдотья лишь плотнее запахнула платок — отповедь вышла злая, но справедливая. Прошла мимо церкви, превращённой в колхозный зерновой склад, перекрестилась на купола без крестов и подошла к стоявшему на отшибе старому покосившемуся домишке. Ветер гулял по пустырю, шевелил полынь у покосившегося забора, который почти весь завалился. Однако весь участок был аккуратно выкошен, и на старой калитке, легко поддавшейся руке, Авдотья заметила новые кожаные петли. На душе немного полегчало: сын успел починить.

Открыв низкую скрипучую дверь, она вошла в тёмные сени и выпустила из корзины курицу с цыплятами, потом достала из кармана горсть зерна и насыпала на земляной пол. Цыплята, запищав, сразу же бросились клевать, а курица завохтала, оглядывая новое жильё. Постояв немного, отворила дверь в избу. Спёртый воздух, густой и тяжёлый, с застоялым запахом болезни, ударил в нос. Осмотревшись в полутёмном помещении с маленькими тусклыми окнами, подошла к чисто выскобленному столу, вынула из-за пазухи краюху хлеба и кусок сала. Увидев старое, но чистое полотенце, взяла его и прикрыла гостинцы.

Когда глаза привыкли к полумраку, Авдотья разглядела женщину, лежавшую на подобии кровати, прикрытую старым одеялом с аккуратно пришитыми заплатами. Женщина закашлялась. Авдотья зачерпнула воды из ведра, подошла к больной и, приподняв тяжёлую голову, поднесла край ковши к её пересохшим губам. Та глотнула, подняла мутные глаза и спросила хриплым шёпотом:

— Авдотья, ты ли это? Никак пришла сына забрать?

— Ну, он же не телок, чтобы на верёвочке его водить, — ответила та и сунула руку под одеяло. Нашупав мокрое, она молча принялась обихаживать больную.

Переодев её и перестелив постель, Авдотья собралась, было, уходить, но Марья остановила её, попросив сесть рядом.

— Ты зачем всё это делаешь? — спросила она. — Мы же с тобой всегда не ладили: хоть и ровесницы вроде, а судьбы разные. Ты, говорят, ещё родила, а я вот помру скоро.

Авдотья хотела возразить, но Марья остановила её.

— Знаю, что скажешь. Только постой, выслушай, — тихо произнесла она и, помолчав, добавила: — Я ведь тебя всегда ненавидела... завидовала и ненавидела. — Она замолчала. — Я ведь Илью любила... всю жизнь любила, ждала его с Японской войны. Думала, вернётся — поженимся, а вон как вышло. Мы бедные были, а твой свёкор нашёл ему покрасивей да побогаче... Знаю, тебе тоже несладко жилось с таким снохачом, слухи ходили. А я только радовалась. Помнишь, на свадьбе я вылила твою воду? Ох, и злилась я, и завидовала тебе.

Марья замолчала, но Авдотья не торопила её, вспоминая далёкое прошлое.

Первый день свадьбы прошёл как в тумане. Помнила только, как стояла в церкви, а потом — как подъехали к новому каменному дому на два крыла. Отведав хлеб-соль, поднесённые свекровью со свекром, молодые, под величальные песни, прошли в дом.

Из просторных сеней вели два входа — налево, в основную избу с тёплой печью, и направо, в летнюю горницу с двумя сводчатыми окнами, где уже стояли накрытые столы. Запахи хмельного и пирогов с капустой смешивались с прохладной свежестью, врывавшейся в дверь.

Молодых усадили в красном углу стола. Гости пили, закусывали, кричали «горько». Авдотья сидела, не поднимая глаз. Запахи пищи и обильного стола щекотали ноздри ничего не евшей с самого утра новобрачной, живот предательски заурчал, но она не смела прикоснуться к еде.

Илья, покосившись на неё, привстал и, дотянувшись до курника, взял кусок пирога и подал его Авдотье.

— Ешь! — приказал он.

Она сначала закрутила головой, отнекиваясь, но Илья повторил:

— Ешь, я сказал.

Авдотья, не посмев послушаться, не поднимая головы, съела добрый кусок ароматного пшеничного пирога с начинкой и, набравшись смелости, запила его квасом.

— То-то же, — пряча улыбку в густых усах, промолвил Илья.

Вскоре бабы и девки завели обрядовую песню: «На море утица да и купалася...», затем молодых отвели в приготовленную для них каморку. Илья вошёл и, не глядя на Авдотью, снял пиджак, повесил его на гвоздь и уселся на постель. Молодая жена, последовавшая за ним, остановилась, не зная, что делать.

— Ну что, жёнушка, уважь, разуй-ка мужа, — посмотрев на неё, бросил Илья.

Авдотья подошла ближе и, опустившись на колени перед сидящим на постели мужем, сняла с него правый сапог. Илья, достав из голенища левого сапога лёгкую плёточку, слегка шлёпнул по согнутой спине Авдотьи, а затем, взяв из рук жены правый сапог, вытряхнул из него рублёвую монету. Денежка, звякнув, покатилась по полу — обычай был соблюлён. За приоткрытой дверью послышался смех. Илья встал, подошёл к двери, захлопнул её и накинул крючок, а затем задул керосиновую лампу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.